

СТАТЬИ / PAPERS

С.Н. Колосова
S.N. Kolosova

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА В.Г. РАСПУТИНА «ИЗБА»

STYLISTIC ORIGINALITY OF V.G. RASPUTIN'S STORY "THE HUT"

Статья посвящена исследованию стиля рассказа В.Г. Распутина «Изба». Образ дома в творчестве В.Г. Распутина часто сопряжен с деревенской темой, темой малой родины. Однако в рассказе «Изба» обращение к образу дома становится ключевым и в построении сюжета, и в создании образной системы и приобретает не только сюжетобразующее значение, но и символическое, призванное раскрыть сакральную значимость этого образа в формировании жизненной философии автора. В данной работе на материале рассказа «Изба» исследуются приемы портретирования, используемые автором для раскрытия доминантных в его творчестве тем: дома, Родины, семьи, женского предназначения и др. Более того, написанный в 1999 году рассказ создает портрет драматичной эпохи постсоветского периода отечественной истории, и описание избы, лишенной хозяина, в этой связи особенно показательны. Портретирование образа избы метафорически выражает основные качества, необходимые для преодоления всех испытаний и русскому человеку, и русской деревне, и России в целом. На основе анализа основных структурных и содержательных компонентов текста в статье раскрывается своеобразие сюжетостроения, рассматривается функционирование кольцевой композиции, дается толкование основных образов, мотивов, деталей, характерных для стиливой традиции писателя. Так, например, стилиобразующим компонентом рассказа является портрет, в том числе в создании образа избы. Такой прием вносит не только лирическое начало в прозаический текст, но и определяет основную тему рассказа. Именно судьба и исконное назначение избы оказывается в центре повествования и определяет особенности сюжета и композиции, и привлечение символических образов рассказа (ласточек, поля, печи, пня и др.) расширяет художественное содержание произведения. Значимым композиционным решением в создании образов рассказа является и то, что на протяжении всего произведения портретные зарисовки главной героини Агафьи всегда даются после описания ее избы. Таким образом, последовательно создается ведущий мотив рассказа: мотив неделимости героини и ее дома.

Ключевые слова: авторский стиль, портретирование, образ дома, мотив неделимости, кольцевая композиция, смысл названия.

The article studies the style of V.G. Rasputin's short story "The Hut". The image of the house in the works of V.G. Rasputin is often associated with a village theme, the theme of a birthplace. However, the appeal to the image of the house becomes in the

story "Izba" the key one both in the construction of the plot and in the creation of an imaginative system and acquires not only a plot-forming meaning, but also a symbolic one, designed to reveal the sacred significance of this image in the formation of the author's life philosophy. The techniques of portraiture used by the author to reveal the dominant themes in his work: home, Homeland, family, female destiny, etc. are investigated in this work on the material of the story "Izba". Moreover, the story written in 1999 creates a portrait of the dramatic era of the post-Soviet period of Russian history, and the description of the hut, deprived of its owner, is especially indicative in this regard. Portraiture of the image of the hut metaphorically expresses the basic qualities necessary to overcome all the challenges for a Russian, the Russian village, and Russia as a whole. Based on the analysis of the main structural and content components of the text, the article reveals the originality of plot construction, examines the functioning of the ring composition, gives an interpretation of the main images, motifs, details characteristic of the writer's stylistic tradition. So, for example, the style-forming component of the story is a portrait, used in creating the image of a hut. This technique introduces not only a lyrical beginning to the prose text, but also defines the main theme of the story. It is the fate and the original purpose of the hut that is at the center of the narrative and determines the features of the plot and composition, and the attraction of symbolic images of the story (swallows, fields, stoves, stumps, etc.), expands the artistic content of the work. A significant compositional solution in creating the images of the story is the fact that throughout the work portrait sketches of the main character Agafya are always given after the description of her hut. In this way, the leading motive of the story is consistently created: the motive of the indivisibility of the heroine and her house.

Key words: the author's style, portraiture, the image of the house, the motif of indivisibility, ring composition, the meaning of the name.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-5-11

Проза В.Г. Распутина всегда привлекала исследователей многогранностью и глубиной образов, остротой тем, философским наполнением, пейзажной колоритностью, языковой самобытностью. Однако и в современном литературоведении интерес к творчеству писателя не ослабевает. Разные аспекты творчества писателя, определяющие его авторский стиль, становятся предметом изучения литературоведов, однако именно народно-поэтические традиции [1], доминанта описательного начала, роль портрета в раскрытии мировоззрения героев [6] и в создании художественного содержания произведения в целом [2] и, конечно, особая значимость образа дома [9] как стилеобразующего компонента всего творчества Распутина кажутся наиболее актуальными.

Совершенно очевидно, что образ дома в творчестве Распутина является «сквозным», часто сопряжен с деревенской темой, темой малой родины. Более того, одна из ключевых доминант мировоззрения писателя, определяющего индивидуальный авторский стиль, связана с многозначностью образа дома. Так, в рассказе «Изба» образ дома получает не только максимальное обобщение как образ семьи и воплощение семейных ценностей, как образ родового гнезда и его корней, как образ деревни, сохранившей основы устоев предков, но и становится символом Родины, современной писателю России, ее характера и судьбы. Рассмотрим подробнее.

Распутин начинает рассказ с развернутого олицетворенного описания избы: «Изба была небольшой, старой, почерневшей и потрескавшейся по сосновым бревнам невеликого охвата, осевшей на левый затененный угол, но оставалось что-то **в ее поставе и стати** такое, что не позволяло ее назвать избенкой <...>. Постарела и осиротела, ветер дергал отставшие на крыше тесины, наигрывал по углам тоскливыми голосами, жалко скрипела легкая и щелястая дверь в сенцы, нежить выглядывала отовсюду – и все же каким-то

макаром из последних сил **изба держала достоинство** и стояла высоконожкой и подобрано <...>» [5, 645] (здесь и далее выделение наше. – С.К.). Более того, развернутым одушевленным описанием избы писатель не только начинает рассказ, но и завершает его, тем самым создавая **кольцевую композицию**, призванную акцентировать символическое назначение центрального образа. Описание избы приобретает черты **портрета**, поскольку включает внешние атрибуты дома как толкование характера избы, особенностей ее живой души. Такой прием вносит не только лирическое начало в прозаический текст, но и определяет основную тему рассказа. Именно судьба и исконное назначение избы, неразделенной со своей хозяйкой, и оказывается в центре повествования. Автор подчеркивает заброшенность избы, ее осиротелость, ее трудную судьбу, нелегкие испытания, вызванные отсутствием хозяина, но в то же время твердую основу: чувство собственного достоинства и величие. Олицетворяя избы, Распутин использует в определении ее нрава, характера лексемы «стать» («Характер, внутренний склад») [3] и «постава» («Манера держать в каком-л. положении какую-либо часть тела») [10], характерные для описания человека и подчеркивающие отраженную во внешности особую гордость, достоинство.

Еще одна важная деталь в описании избы – упоминание о ласточках: «<...> все так же, как при хозяйке, **лепили ласточки гнезда** по затрехам и напевали-наговаривали со сладкими протяжными припевками **жизнь** под заходящим над водой солнцем» [5, 645]. Еще с античности ласточка соотносится с образом вылетевшей души [4, 453], что в контексте описания дома главной героини реализуется с удивительной точностью. Пение ласточек и то, что, они выют гнезда, говорит не только об уюте дома, но в первую очередь, что он имеет живую душу, которую вложила в этот дом Агафья, в одиночку возводя его заново, поэтому в нем продолжается жизнь и тогда, когда хозяйки не стало. Исследуя образ избы в повести «Прощание с Матёрой», О.А. Барышева пишет о важнейшем аспекте одушевления избы, характерном для творчества Распутина в целом: «Чувство дома как средоточия всего рода вырастает в повести до восприятия избы как живого существа» [1, 15].

Значимым композиционным решением в создании образов рассказа «Изба» является и то, что на протяжении всего произведения портретные зарисовки главной героини Агафьи всегда даются после описания ее избы. Последовательно, таким образом, создается **мотив неделимости** Агафьи и ее дома. Уже в начале произведения вслед за описанием избы автор упоминает о незримом присутствии бывшей его хозяйки, которая, казалось, и не покидала свой дом. Надо сказать, что именно мотив неделимости и положен в основу **развития сюжета** рассказа: в начале и финале произведения изба описана одинокой, утратившей хозяйку, а основные события рассказа связаны с перемещением избы на новое место. Эти действия описываются автором как сакральный акт перерождения избы, вынуждено изгнанной с родных, насиженных мест. В контексте произведения рассуждения Распутина о судьбе Агафьи и ее избы приобретают символическое звучание и соотносятся с судьбой русской деревни и России в целом. Написанный в 1999 году рассказ создает портрет драматичной эпохи постсоветского периода отечественной истории, и описание избы, лишенной хозяина, в этой связи особенно показательны. Это авторская оценка реалий времени: умирающая деревня, лишенная «хозяйского догляда» страна. Однако в описании избы писатель метафорически выразил одновременно и гордость за те качества, которые избе свойственны, и надежду на возрождение Отечества: «И в остатках этой жизни, в конечном ее убожестве явственно дремлют и, кажется, **отзовутся, если окликнуть**, такое упорство, такая выносливость, встроенные здесь изначально, что нет им никакой меры» [5, 679]. Таким образом, **кольцевая композиция** имеет особое значение для формирования художественного содержания: данный в начале рассказа развернутый олицетворенный портрет избы в финале рассказа дополняется обобщенным авторским комментарием, в котором выражена надежда писателя на то, что заложенное в избе Агафьей, ее трудом, преданностью, самой душой обретет новую жизнь.

Мотив единения хозяйки с домом последовательно воплощается на протяжении всего повествования. Так, когда возникла необходимость перевозить избу на новое место, Агафья заболевает: «Болезнь у нее была одна – надсада, от других она выкрепилась в кремень» [5, 648]. Агафья в буквальном смысле болеет вместе с избой от необходимости переселения. Не случайно Распутин дает историю рода Агафьи, подчеркивая, что «род Вологжиных обосновался с самого начала и прожил два с половиной столетия, **пустив корень на полдеревни**» [5, 646]. Именно необходимость «обрывать» корни и выстраивать избу заново на новом месте и воспринимается Агафьей как «надсада», именно поэтому она заболевает и попадает в больницу. Писатель утверждает, что «у одного стебля корни дважды не отрастают» [5, 647], и этот мотив становится одним из основных в рассказе. Именно к этому утверждению апеллирует автор, раскрывая разрушенные судьбы героев, оторвавшихся от родного дома. Именно поэтому так трепетно относится Агафья к воссозданию своей избы на новом месте. Место для деревни определили новое, но избу Агафья перевозит родную, родительскую. Сам процесс возведения избы Распутин описывает как сакральный процесс, в основе которого глубочайшая любовь человека к родному дому: «<...> оконтурили **гнездо** для избы. Можно сказать, что **зачали** ее, голубушку, **оставалось выносить да родить**» [5, 659].

В этой связи показательно, как меняется **именование** избы в период ее переезда. Когда Агафья перевозит избу, она «оглушенно» оглядывает **«воз с тем, что было ее избой** и что оказалось теперь таким жалким и дряхлым, что и поверить нельзя было, как из этой **груды хлама** можно поднять дом» [5, 649]. И только когда Агафья поставила дом, его именуют **«бравой хороминной»** [5, 666]. Показательно, что лексема «хоромина» этимологически связана с лексемой «храм» [11, 354]. Получается, что Агафья своими нечеловеческими усилиями строит хоромину как храм, в котором поселяется ее душа. Так, динамика именования дома отражает и основной конфликт произведения, и его основную сюжетную линию.

Названием рассказа автор расставляет акценты таким образом, что получается, что рассказ не столько о самой Агафье, сколько о ее доме. Именно дом, в частности, деревенская изба становится истинной героиней произведения, т.к. именно дом, отношение к нему определяет суть человеческой жизни. Очень показательным эпизодом в этой связи становится разговор Агафьи с трактористом: героиня вспоминает имя Савелия только после того, как вспомнила, как выглядит его изба: «С трудом вспомнила Агафья его имя – Савелий Ведерников, и то лишь после того, как представила его избу, стоявшую с ангарской стороны улицы» [5, 650].

Мотив единения Агафьи с домом усиливается и введенным в повествование элементом мистики, который выполняет, в первую очередь, функцию поэтизации образа: после смерти Агафьи изба будто изгоняет всех посторонних, желавших в ней поселиться, не позволяет чужим занять ее. Но Распутин подчеркивает, что происходит это оттого, что не было у новых жильцов любви к дому, который их приютил, ничего не создавали они в нем, а только разрушали созданное до них. Этот дом не стал им родным. «Вздохнула Агафьиная изба, прощаясь, – так тяжело и больно вздохнула, что заскрипели все ее венцы, вся ее изможденная плоть» [5, 677].

Писатель показывает, что **мотив родства** человека с землей и домом, в котором он живет, – ключевой в понимании основ жизни. Не случайно, описывая поля, предназначенные для затопления, автор упоминает: «Каждую выбоинку, каждый бугорок на них Агафья знала лучше, чем родинки и вмятинки на своем теле» [5, 649]. Последовательно проводится мысль, что человек, земля и дом имеют единую неделимую плоть (Бытие. Гл. 2, ст. 23: И сказал человек: вот, это кость от костей моих, и плоть от плоти моей). Именно поэтому возникает в рассказе сакральный акт нового рождения избы на новом месте. «<...> оживали бревешки, вращая в одну плоть, начинали дышать. «От своих-то рук теплее будет», – и не различить уже было, от нее шли эти слова или они шли к ней» [5, 661]. Это объясняет и то, почему даже после смерти хозяйки изба остается живой и сохраняет

хозяйский «догляд»: «Если же кто из проходящих заглядывал в избу, то замечал, что изба прибрана, догляд за ней есть» [5, 678].

Образ дома в рассказе дополнен целым рядом символических образов. Так, например, через **образ печи**, который в славянской традиции «воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия» [7, 364], раскрывается не только тема расставания с родными местами, родной деревней, но и тема разрушения деревни, разрушения родного дома. Именно к оставленной печи бегают Агафья в Криволицкую, которая должна быть затоплена: «Возле русской печи, брошенной под небом, и разбередится, и успокоится как на родной могилке» [5, 661]. Трагично расставание с историческим прошлым, с родовым местом. Символично, что именно рядом с оставленной печью черпает Агафья силы для возрождения своего дома на новом месте. Символично и то, что она сама в восстановленном доме выкладывает новую печь, создавая тем самым новое пространство дома, закладывая основы будущего благополучия: «Ночью она лежала без сна, слушала, как кричат в углях набирающие тепло стены, как тяжело отдыхивается после топки печь» [5, 668].

Особого внимания в раскрытии темы дома заслуживает и **образ пня**, который, безусловно, имеет символическое значение. «А ограда вся оказалась в пнях, она выдрала их только лет через пять, оставив один – матерый, от ели, по колена высотой, огромный, **как столешница**, вырисованный, **как цветок**, лепестковыми овалами, отростками **от уходящих в землю могучих лап**, взбугривающих пол-ограды. До самой смерти, глядя на этот пень, присаживаясь на него и отирая тряпочкой от грязи и пыли, жалела Агафья, что нет у нее **внуков мал мала меньше**, которые с восторгом, криками и ссорами, отталкивая друг друга, громоздились бы на пень и в конце концов умещались бы на нем все, сколько бы их ни было» [5, 653]. Неоднозначность этого образа определяется, с одной стороны, сравнением со столешницей и цветком, а с другой стороны, – соотносением со срубленным деревом. В славянской традиции стол соответствует понятию «престол Божий» [7, 451]. Кроме того, «стол называли материнским сердцем» [7, 451]. Поэтому акцентирование внимания читателя на образе пня, похожего на столешницу, которым дорожит Агафья, особенно важно, так как, с одной стороны, это символ сохраненного «престола Божия», уходящего корнями в родную землю, обязательный атрибут дома. И с этой точки зрения сравнения стола с цветком, метафорой жизни и красоты, весьма показательны. С другой стороны, – это символ разрушенной мечты Агафьи о большой семье, которая не состоялась, это трагическая память о срубленном родовом древе.

Раскрытие темы дома органично сопряжено с темой женского предназначения. В рассказе последовательно раскрывается разрушение женской сущности в Агафье: «Я выхолостилась уж не знай когда» [5, 657]; «Какая я баба? <...> Одна затея бабья» [5, 660]. Однако оставшись единственной в родном доме, именно Агафья берет на себя непосильную неженскую задачу построить родной дом на новом месте, как бы «родить» его заново. Поэтому символично звучат слова Савелия: «Избу свою ты, конечно, возвысила» [5, 665]. Получается, что Агафья становится своеобразной прародительницей дома, который пока не обрел свою семью. С этой точки зрения интересно исследование А.А. Сорокина об «осмыслении архетипа Великой Матери» [8, 81].

Одной из отличительных черт стиля Распутина является афористичность, наследующая народно-поэтическую традицию. Писатель показывает, что Агафья впитала народную мудрость рода Вологжиных, ведущую начало из старины, которую с таким удовольствием вспоминает героиня. В Агафье воплотились вся сила, выносливость, сметливость, терпение русского человека. Именно поэтому ее образ Распутин сопровождает афористичными выражениями, близкими по форме народным пословицам: «У одного стебля корни дважды не отрастают» [5, 647]; «Родное скудным не бывает» [5, 649]; «Никакая боль, никакая беда не бывает последней» [5, 652]; «Мы люди нелечимые. Как кони» [5, 651].

Особое значение в рассказе приобретает **мотив сна**. Первый сон Агафья видит в больнице, когда снится ей, что ее хоронят вместе с избой. Этот мотив имеет несколько толкований. С одной стороны, Агафья, которая, по ее собственным словам, буквально «крошает» свою избу на новом месте, срастается с избой, делается с ней одним целым. А вспоминая старинные рассказы, говорит: «<...> сама буду домовым» [5, 668]. Более того, в описании сна возникает эпизод, когда выясняется, что изба полностью не влезает в вырытую яму и мужики уверяют Агафью, что это хорошо, «что будет торчать, что это выйдет **памятником ее жизни**» [5, 649]. Этот мотив становится сюжетообразующим элементом, т.к. изба, которую Агафья сама собрала по бревнышку, действительно становится памятником ее жизни, к которому после смерти хозяйки ходят бабы погрустить. (О мотиве памяти в рассказе «Изба» подробно пишет И.Е. Шишкина: «Изба, хранившая память о своей хозяйке, притягивает к себе и деревенских женщин» [12, 171]). Кроме того, символика сна подчеркивает неделимость дома и его хозяйки и в то же время раскрывает столь трагичную для Распутина тему судьбы деревни: деревню, деревенского жителя буквально похоронили. Второй сон Агафья видит за полгода до смерти, и он тоже связан с избой и предвещает героине смерть.

Таким образом, жизненная философия Распутина, последовательно воплощаемая в его творчестве, имеет три основных составляющих: **дом** (деревня) – **род** (семья) – сам **человек** (его предназначение). Именно дом ставится писателем в основу мироздания. Такой логике построения подчинена композиция образной системы: сначала автор дает одухотворенный поэтический портрет избы, который приобретает символическое значение Родины, малой и большой, потом дается история рода и то, как человек вписывается в этот род своей семьей, и только потом портрет героини, в котором подчеркнута утрата ее женского предназначения. И это, с точки зрения Распутина, – основная трагедия: «деревня перестала рожать», а **женщина утратила** свое прямое предназначение. Женщина – жена, мать, хранительница домашнего очага, а Агафья рано остается без мужа, ее дочь, оторванная от родного дома, спивается и рано умирает. И Агафья принимает на себя непосильную для женщины ношу: «родить» избу заново, самостоятельно построить ее на новом месте, дать ей новую жизнь. В этом и состоит суть сюжета рассказа: в связи с затоплением ангарских деревень возникает необходимость перевезти избу на новое место. Но, как часто это бывает у Распутина, событийная канва – это лишь приглашение к разговору о самом важном, о том, что дом – основа мира, малого и большого, именно сохранение дома, родового гнезда, связи с ним – единственная надежда на возрождение человека, деревни, страны. Показательно, что в финале рассказа изба символически становится центром мироздания: «<...> отсюда могло показаться, что изнашивается весь мир – таким он смотрелся усталым, такой вытершейся была даже и радость его» [5, 678]. Именно портрет избы во всей его многозначности становится одновременно печальным портретом современной автору эпохи и воплощением веры автора в то, что благодаря заложенной в нее изначально силе у избы есть будущее, стоит только приложить усилие.

Название рассказа многозначно и многофункционально: оно задает тематику произведения, определяет его композицию и, конечно, презентует центральный образ, который не просто олицетворяется, портретируется в рассказе и организует движение сюжета, но становится образом-символом деревни, малой родины, Отечества. Портретирование образа избы, метафорически выражает основные качества, необходимые для преодоления всех испытаний и русскому человеку, и русской деревне, и России в целом. Обращение к образу дома становится ключевым и в построении сюжета, и в создании образной системы и приобретает не только сюжетообразующее значение, но и символическое, призванное раскрыть сакральную значимость этого образа в формировании жизненной философии автора.

И. Барышева О.А. Христианский и народно-поэтические мотивы в художественном мире прозы В.Г. Распутина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кострома, 2010.

2. Колосова С.Н. Своеобразие женских портретов в рассказах В.Г. Распутина 90-х годов («Женский разговор», «В ту же землю») // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 1, № 6. С. 189–193.
3. Малый академический словарь. URL: // <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 13.06.2023).
4. *Мифологический словарь* / Главн. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
5. Распутин В. *Живи и помни: Повести. Рассказы*. М., 2002.
6. Резник О.В., Кузнецова Л.П. Литературный портрет как средство раскрытия внутреннего мира персонажа в прозе В.Г. Распутина // *Литература в школе*. 2019 № 1. С. 8–13.
7. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М., 2014.
8. Сорокин А.А. Реальное и мистическое воплощение образов Агафьи и ее дома в рассказе В. Распутина «Изба» // *Современное есениноведение*. 2018. № 3(46). С. 81–84.
9. Токсанова С.К. Дом как мера нравственности героев В. Распутина // *Слово-образ-речь: грани филологического анализа литературного произведения*. Ярославль, 2017. С. 86–94.
10. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54806> (дата обращения: 13.06.2023).
11. Шанский Н.М., Боброва Т.А. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1994.
12. Шишкина И.Е. Тема памяти в рассказе в. Распутина «Изба» // *Восточнославянская филология. Литературоведение*. 2017. № 5 (29). С. 170–176.